

*КЛАДОВА Наталья Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель образовательного центра «Forward-School» (Москва). Автор 16 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий, трех учебных пособий**

«ПОДРОСТОК» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ИДЕЯ СЮЖЕТА

Статья посвящена анализу идеи романа Ф.М. Достоевского «Подросток» и особенностям ее воплощения. На сюжетной структуре произведения лежит основная идейная нагрузка: логика событий отражает логику становления главного героя и его самоопределения. Анализ сюжета позволил автору настоящего исследования выявить глубокий символический подтекст романа, открыть нечто новое в идее Ф.М. Достоевского, понять, как композиционно построено произведение. Автор стремится показать значимость родственных отношений героев, раскрыть смысл подтекстовой антитезы: все друг другу являются родственниками – генетически и чужими – духовно. Особенность образной системы (все герои находятся в отношениях родства, близкого или далекого) контрастирует с сущностью их личностных отношений друг с другом. Интересна в этом смысле идея отцовства – истинного и ложного, – уходящая корнями в православное мировидение. Указанная идея формирует определенную иерархию ценностей, создает философскую глубину художественного мира, отражая, с точки зрения Ф.М. Достоевского, норму человеческих отношений. Анализ образной системы и соотносительности сюжетных эпизодов позволил сделать вывод о том, что романная семья нравственно ущербна и отношения искажены в своей сущности. Созидательной энергии Софьи и Макара Долгорукого, способных быть членами семьи, не хватило на то, чтобы восстановить порванные связи, однако они подарили Аркадию веру в возможность создания новой семьи. Роман «Подросток», по мнению автора статьи, – попытка Ф.М. Достоевского показать трудный, долгий, но действительный (и единственно возможный) путь человека к осознанию себя членом семьи в евангельском смысле этого слова.

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, роман «Подросток», символический подтекст, идея родства, идея отцовства.*

«И некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто матерь Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и матерь» [Мф. 12:47–50]. Этот евангельский

*Адрес: 123242, Москва, ул. Красная Пресня, д. 9; e-mail: natakladova@rambler.ru

Для цитирования: Кладова Н.А. «Подросток» Ф.М. Достоевского: идея сюжета // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 5. С. 54–62. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.54

принцип построения семьи в художественном мире романа Ф.М. Достоевского «Подросток» предается поруганию. Каждый персонаж пытается строить семью в соответствии со своими личными интересами и желаниями. Главный герой критерием виновности/невиновности человека в чем-либо (в первую очередь Версилова) считает достоинство/недостойность его быть членом семьи. На наш взгляд, сюжетобразующей в произведении является идея родства. Цель настоящей статьи – раскрыть художественную идею романа, которая формирует основную событийную линию, определяет логику действий персонажей.

Сюжет «Подростка», по мнению многих исследователей, представляет собой процесс перевоспитания главного героя, изменения его внутреннего мира. Так, о перерождении убеждений главного героя, его становлении как основе повествования пишут К.А. Степанян [1, с. 384–388], Е.А. Гаричева [2, с. 364], К.Ф. Седов [3, с. 113–114], О.Ю. Авдеевнина [4, с. 51–54], Д.О. Томпсон [5], А. Пайман [6] и др. Все эти, безусловно, верные положения, на наш взгляд, необходимо дополнить анализом идеи, организующей художественный мир романа, – идеи семьи. Помимо социально-общественного аспекта данного понятия (который подробно раскрыт в работах И.Н. Невшупа [7], С. Владив-Гловер [8] и др.) есть и другой – более глубокий, воплощающий духовное единение людей. Исследователи уже обращали на него внимание. Д.Л. Башкиров утверждал, что сыновство – ключевой лейтмотив произведения, напрямую связанный с проблемой открытия в себе человека [9, с. 10]; И.П. Невшупа рассматривала в романе идею всеединения через служение православию [7]; по мнению Ю. Бергнеса, «в “Подростке” тема отца и сына становится центральной для

сюжетосложения» [10, с. 410]). Мы полагаем, что необходимо шире развить эту линию осмысления романа, поскольку она является идееобразующей.

Все герои «Подростка» находятся друг с другом в родственных отношениях: Татьяна Павловна Версилова «чуть ли и в самом деле не сродни»¹; Аркадий, Лиза, Анна Андреевна, брат ее – дети Версилова; Катерина Николаевна – дочь Николая Ивановича Сокольского; Лидия Ахмакова – падчерица Катерины Николаевны; Софья Андреевна, мать Аркадия и Лизы, – жена Макара Ивановича Долгорукого; Столбева – родственница Версилова и князей Сокольских (со слов Лизы)², т. е. Версильов и Сокольские опосредованно также находятся в отношениях родства. Древние родственные корни связывают род молодых князей Сокольских с родом старого князя Николая Ивановича Сокольского³. Однако вся эта большая семья имеет один существенный изъян – дочерне-отеческие или сыновне-отеческие отношения искажены в своей сущности: «...маленькие дети его (Версилова. – Н. К.) были не при нем, по обыкновению, а у родственников; так он всю жизнь поступал с своими детьми, с законными и незаконными»⁴. По признанию Подростка, он «был как выброшенный и чуть не с самого рождения помещен в чужих людях»⁵. До событий, описанных в романе, Аркадий видел своего отца *один раз*.

Отеческая любовь – это земное воплощение любви Бога, Того, к которому обращал свою молитву Иисус: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены

¹Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. С. 8.

²Там же. С. 160.

³Там же. С. 250.

⁴Там же. С. 7.

⁵Там же. С. 14.

воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» [Ин. 17: 20–23]. Именно такая любовь завещана людям свыше; в романе же она завещана Макаром Ивановичем (подлинным *отцом*) Версилову и Софье. У Версилова не хватает *духа* на такую любовь. Сущность *отца* явлена и в образе Николая Ивановича Сокольского, способного на христианское всепрощение, притом его предаёт самый близкий человек – дочь. Он же оставит ей все состояние, не забудет и об Анне Андреевне, завещав ей 60 тысяч. Но героиня не возьмет эти деньги, что подчеркивает ее неспособность принять прощение.

В конце своей хроники, сообщая о судьбе основных персонажей, Подросток записывает: «Катерина Николаевна не замужем и путешествует с Пелищевыми. Отец ее скончался, и она – богатейшая из вдов»⁶. То, что Катерина Николаевна – вдова, читатель узнал еще в начале романа, однако эта фраза построена так, что ее вдовство оказывается следствием смерти не мужа, а отца. Слово «вдова» обретает особый художественный смысл: «сирота, человек, потерявший единственную родственную душу». При этом вдовой Катерина Николаевна оказалась *богатейшей*, т. е. получила то, за что боролась на протяжении всего романа различными способами, но ценой утраты самого родного человека. В контексте сюжетного действия в том, что Катерина Николаевна так и осталась вдовой, есть символическое указание на неспособность героини дождаться пришествия *Жениха* (если использовать евангельскую метафору), вступить в брачный союз, освященный высшим онтологическим смыслом. Заметим, что в начале романа мы также узнаем о вдовстве (к 25 годам) Версилова, который вдовцом и остался: ему тоже не суждено обрести *Невесту*, хотя *Невеста* (Софья Андреевна) долго его ждала. Старый князь Сокольский был вдовцом уже 20 лет и умер, также не обретя *Невесту* (невеста именовала себя таковой по денежному расчету).

Духовная «беспутность» отца отражена в сюжетной структуре «Подростка» дважды. Любовная «история» Сергея Сокольского в более сниженном варианте повторяет «историю» Версилова. В судьбе последнего существовало три женщины, с которыми он строил или пытался строить отношения: был одержим страстью-любовью к Катерине Николаевне, хотел жениться на Лидии Ахмаковой из ненависти к Катерине Николаевне, с которой кончил «ожесточительным разрывом», при этом спросив разрешения жениться у Софьи (и она разрешила!). Полностью погружаясь в свои эгожелания, герой причиняет боль и Катерине Николаевне, и Софье (и она прощает!), и Подростку, тоже влюбленному в Катерину (стараниями Версилова Аркадий был оскорблен и опозорен перед ней). Все любовные версировские метания заканчиваются Софьей, неизбежной для него, *духовно завещанной* ему Макаром Ивановичем.

Сергей Сокольский, выстраивая отношения с Лизой, носящей его ребенка, соблазняется приданым Анны Андреевны, которое, возможно, даст за ней старый князь Сокольский. Потом он признается в этом Лизе (и она прощает!). Из ревности к Лизе он предаёт Васина (и она мучается, страдает, но прощает!). Если бы Сергей не умер, героиня, по логике сюжета, оказалась бы в семье версировского образца и пыталась бы склеить ее бескорыстной милующей любовью. Существенная разница между историями двух персонажей заключается в том, что Версиров метался между тремя женщинами и оскорблял «соперника» по внутренней – нравственной – неукорененности, Сокольский же – преимущественно по меркантильным – финансовым – соображениям.

Итак, отца как духовного центра нет в романной *семье*, нет и прочной духовной связи между людьми (характерно, что, когда Подростка оклеветали во время игры в рулетку и Сергей Сокольский отрекся от него, мир показался ему *чужим*: «все как-то отчуждилось,

⁶Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 448.

все это стало вдруг *не мое*⁷). Достоевский обозначил это явление специальным термином – *случайное семейство*⁸. Основным принцип сюжета романа, на наш взгляд, в том, что все – родственники, пусть и генетически отдаленные (это, полагаем, намек писателя на духовное родство всех людей на Земле), и все пытаются вступить в брак (отношения родства) по корыстному расчету.

Связи близкого родства лишь одну героиню однажды останавливают: Анна Андреевна спрашивает Версилова, любит ли он Катерину Николаевну; к ней пришло осознание того, что нельзя выйти замуж за отца дочери, на которой может жениться ее собственный отец. Этот этический довод оказался сильнее желания поправить браком свое материальное положение. Однако интересно заметить, что брак Сергея Сокольского и Анны Андреевны, намеченный «женихом» из светских и денежных расчетов, не состоялся потому, что «невеста» по денежному же расчету сделала предложение (!) Николаю Ивановичу Сокольскому. Можно и продолжить: второй вариант брака Сергея Сокольского с теми же намерениями мог состояться с Катериной Николаевной, но не состоялся потому, что Катерину Николаевну заполучил в качестве «невесты» Бьоринг – тоже с корыстными целями. Версиров потом попросит Анну Андреевну «пожертвовать своей судьбой его счастью»⁹, будет вымаливать *милостыню* у Катерины Николаевны («Подайте мне еще милостыню; не любите меня, не живите со мной, будем никогда не видаться; я буду Ваш раб – если позовете, и тотчас исчезну – если не захотите ни видеть, ни слышать меня, только... *только не выходите ни за кого замуж!*»¹⁰). Но ведь это милостыня его эгогордости, его слабому, в «последней степени упадка» духу. Символично, что в итоге Катерина Ивановна именно эту «милостыню» герою и подает.

Романные персонажи погружены в собственное *я*, что является и исходным пунктом мечты Подростка. Повзрослев, он из мечты творит желаемую реальность: пытается пересоздать мир по своему разумению и с собственным *я* в центре этого мира, где его нравственная правота будет измеряться в денежном эквиваленте. Однако действительность вовлекает Аркадия в ситуации, где денежный вопрос заставляет делать нравственный выбор, отнюдь не находящийся в прямо пропорциональной зависимости от количества монет и ассигнаций. У Подростка есть письмо Катерины Николаевны, которое может сделать ее нищей (если об этом письме узнает отец героини); кроме того, Крафт передает Аркадию письмо, которое может сделать нищим Версирова (т. к. имение завещано Сокольским). Но содержание письма Катерины Николаевны становится известным отцу: он не хочет верить, прощает и не лишает ее наследства. Версиров не уничтожил письмо, в котором имение завещано не ему, но отдал Сокольским. Представление Подростка о денежном величии как основе человеческого существования терпит поражение.

А ведь Версиров оказался в максимально «комфортных» условиях для *не-проявления* благородства: Крафт застрелился, Аркадий клятвенно уверял, что не скажет никому о письме, соответственно, никто не узнает о версировской *подлости*. Никто, кроме сына. И вот в этом главный пункт. Ибо здесь нравственная ответственность отца перед сыном. Отец, передав письмо Сокольским, указал сыну вектор нравственного самоопределения. Но этот случай останется единичным – со стороны отца и не будет принят – со стороны сына, который так и не уничтожит документ Катерины Николаевны (что стало бы фактом прощения). Вырезанный же в дальнейшем из одежды Аркадия документ – символическое означение того,

⁷Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 267.

⁸Там же. С. 455.

⁹Там же. С. 411.

¹⁰Там же. С. 417.

что не ему вершить суд над людьми. А в *семью* Подросток приехал именно *вершить суд* над отцом. Но при этом, заметим, на протяжении всего романа, лелея свою идею «угла», герой не допускает мысли оставить мать и сестру¹¹. И 60 рублей, накопленные для идеи, он сразу отдает матери.

Флигель, где поместилась версильовская семья, обозначен номером 13, что, полагаем, символично. На тайной вечере было 13 ее участников, в т. ч. тот, кто Христа предал. Был и сам Христос, который умер, чтобы воскреснуть. Во флигеле живет Версильов, Христа предавший, в этом же флигеле умирает Макар Иванович, воскресая духовно в Аркадии, вставшем на «путь истины». Флигель номер 13 – то пространство романного мира, где совершается напряженная духовная жизнь, явленная в обоих ее полюсах – в созидании и разрушении человеком онтологической сущности *себя самого* как члена единого соборного мира. Кроме того, 12 – мировой культурный символ завершенности, целого цикла: 12 месяцев в году, 12 цифр на часовом циферблате... Соответственно, 13 – обозначение промежутка хаоса и становления нового. На подтекстовом уровне указанный числовой символизм воплощает нравственный хаос «случайной» версильовской семьи и становление новой семьи Аркадия.

Повествование регулярно сосредоточивается в этом флигеле, где собирается вся *семья*. Собственно, с приезда Подростка в *семью* развитие сюжета и начинается. Главный герой четко определяет цель своего приезда: «Виновен или не виновен Версильов – вот что для меня было важно, вот для чего я приехал! <...> Я непременно должен узнать всю правду в самый ближайший срок, ибо приехал судить этого человека»¹². Аркадий не хочет признавать своей сыновней связи с Версильовым, пока не убедится в его *безгрешности*.

В следующий раз, когда вся семья собирается в доме, Подросток буквально предъявляет матери ультиматум: «или я, или Версильов». Герой расценивает факт того, что Версильов спрашивал разрешение у Софьи жениться на Лидии Ахмаковой, с точки зрения земных критериев «правильности» семьи. Однако позволение Софьи вступить Версильову в брак с Лидией может быть охарактеризовано только в параметрах духовного измерения бытия. Версильов пояснит сыну всю пошлость и грубость его ультиматума, однако сам все же не примет Софью как Мудрость, посланную ему *свыше*: быть членом истинной семьи, которую пытается строить героиня, он не в состоянии. Версильов растил ребенка Лидии Ахмаковой, *но* мог ли он дать ему что-то, кроме денег (более того, и его собственные дети воспитывались на его деньги, но не им, а на воспитание Аркадия он и деньги-то забывал выделять)? Добавим к этому то, что добрая помощь героя Оле спровоцировала ее самоубийство. Он сожалеет о том, что не успел убедить героиню в доброте своего подаяния.

Повествование во второй части романа начинается с того, что Аркадий вдруг увидел: детские мечты об *идее* не вмещают реальный мир: «Я все это напредставил и выдумал, а оказывается, что в мире совсем не то; мне вот так радостно и легко: у меня отец – Версильов, у меня друг – князь Сережа»¹³. Мы узнаем о частых посещениях Версильовым Подростка. Отец и сын ищут точки духовного сближения, но происходит это не дома, а на отдельной квартире сына. Дома же Аркадию предстоит понять сущность родственной любви, высказанной Софьей: «Умные-то люди и без нас с тобой будут, а вот кто тебя любить-то станет, коли нас друг у дружки не будет?»

– Тем-то и безнравственна родственная любовь, мама, что она – не заслуженная. Любовь надо заслужить.

¹¹Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 101.

¹²Там же. С. 18.

¹³Там же. С. 164.

– Пока-то еще заслужишь, а здесь тебя и ни за что любят»¹⁴.

Именно так Подросток выстраивает отношения с Версиловым: постоянно пытается найти ответ на вопрос: заслужил ли Версилов, чтобы он, сын, его любил? Любовь же родственная очень *нравственна*, потому что исцеляет того, кто *не заслужил*. Есть бескорыстное всепрощение, и только на этом основании создается семья. Материнский завет Аркадию и Лизе звучит очень лаконично: «Любите только друг дружку и никогда не ссорьтесь, то и Бог счастья пошлет»¹⁵. На желание сына увести ее и Лизу от Версилова Софья реагирует знаковой фразой: «Куда я от него пойду, что он, счастлив, что ли? (курсив наш. – Н. К.)»¹⁶.

В последней реплике – указание на истинный смысл семьи; такое указание будет и второй раз – в прощении Лизы, которое Подросток не может понять и принять. Вспомним, он так же реагировал на то, что Софья разрешила Версильову жениться на Лидии Ахмаковой: «Никогда, никогда не поверю, чтобы женщина <...> могла уступить своего мужа другой женщине, этому я не поверю!.. Клянусь, что моя мать в том не участвовала!»¹⁷

В начале третьей части романа в семье появляется новое лицо – Макар Иванович Долгорукий, законный муж Софьи Андреевны. Образ укоренен в народной среде (Ф.М. Достоевский использует прямое цитирование стихотворения Н.А. Некрасова «Влас»¹⁸), и этот факт очень значим для понимания художественной идеи писателя. В черновиках к роману читаем: «Спасет Россию Христос, ибо это все, что осталось ей народного; в сущности все, что было в ней народного, есть Христос. Кончится вера

во Христа, кончится и русский народ»¹⁹. Макар Долгорукий – тот персонаж, который принимает мир со Христом как духовно-нравственным центром.

Странник не сразу появляется в романе и вскоре умирает. Запись типа «тут появление Макара – и смерть» не раз фигурирует в набросках к роману. На самом деле, человек, абсолютно лишенный эгоистической обращенности *к себе*, не совсем органичен для современной действительности. Однако с уходом Макара благообразие не исчезает из мира, духовный свет не гаснет.

Символичным становится такой сюжетный ход в романе. Вследствие решения бытовых проблем (Макару нужно было дать комнату) Версилов оказался «выключенным» из семьи: он ушел жить на другую квартиру. Подросток при этом поместился в версильовской комнате – комнате того, кого он должен принять без *суда*, *по милости* сердца; Софья Андреевна и Лиза перебрались в светелку Подростка, образовавшего с ними в конце романа единую семью; Макару же отдали спальню Софьи – той, которую он *по милости* простил.

Итак, не единожды вся «семья» собирается около Макара – но Аркадий постоянно ее разрушает. Он понял благообразие Макара Долгорукого, и это почему-то дало ему право понизить в человеческой ценности всех остальных, и прежде всего самых родных²⁰. Подросток хочет жить в «готовом» мире, а не созидать его любовью, духовным подвигом; герой не может понять того, что Софья *идет* за Версильовым именно потому, что у него нет благообразия, по той же причине Лиза *идет* за Сергеем Сокольским.

¹⁴Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 211.

¹⁵Там же. С. 215.

¹⁶Там же. С. 262.

¹⁷Там же. С. 139.

¹⁸Подробнее см. в нашей книге: [11, с. 55–57].

¹⁹Достоевский Ф.М. Указ. соч. Л.: Наука, 1976. Т. 16. С. 341.

²⁰Там же. Т. 13. С. 291.

Макар пытается собрать семью, которая будет жить после его смерти. Он уже давно простил грех Версилова и Софьи, сейчас же напоминает Версилкову о его обещании обвенчаться с Софьей в случае ее вдовства. Кроме того, Макар «приказывает» Лизе венчаться с Сергеем Сокольским: она становится для Сокольского, как и Софья для Версилова, той, которая способна оказать духовную помощь. На подлость Сокольского (донес на Васина из чувства ревности) Лиза реагирует: «И разве можно, можно судить его?» «Бесконечное страдание и сострадание были в лице ее, когда она, восклицая, указывала на несчастного»²¹.

В следующий раз Подросток оказывается в семье, когда Макар уже – только что, «за минуту какую-нибудь» – умер. Наступило время подлинной проверки семьи на прочность. Светлый исход, казалось бы, очевиден: нет препятствий – Макар простил...

Однако союз Версилова и Софьи Андреевны так и не будет заключен. Символически это явлено в расколоте Версильовым ровно на две половины образе. Когда для героя наступил момент выполнения обещания жениться на Софье, он делает предложение Катерине Николаевне, поясняя свой шаг так: «Я сделал Вам вчера предложение, простите за это, это – нелепость, а между тем заменить ее совсем нечем... что ж бы я мог сделать, кроме этой нелепости? Я не знаю...»²² Он пытается спастись от «внутреннего беспорядка». Этой же причиной было мотивировано его желание жениться на Лидии. Но он не только не спас себя, но еще и явил в мир *обидевшегося* на него сына.

В целом, настойчивое повторение Подростком в самохарактеристике понятия «незаконнорожденный» обнажило несостоятельность *законного*, правильного – в земном представлении – подхода к созданию семьи. *Незаконны* были те семьи, которые герои пытались создать

из корыстных соображений. Семья, объединившая Долгоруких и Версильовых, *законна* в высшем – духовном – смысле. Версильов разрушает ее раскалыванием образа, завещанного ему Макаром, демонстрируя этим свою внутреннюю неспособность стать полнокровным членом такой семьи.

Но Аркадий собрал семью.

Он с детства стремился отграничивать себя от остальных – то посредством огромной суммы денег, то принятым от Макара благообразием, которого, по его мнению, нет в окружающих. Однако благообразие предполагает прямо противоположное – *обращенность к другим*. А деньги – не обязательно большие – могут быть важным средством в делах милосердия. Преодолев одержимость идеей отъединения от всех, Подросток обретает полнокровное единение с матерью и сестрой. Он смог создать семью во исполнение Божьего замысла о мире. «И некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» [Мф. 12:47–50].

Они стали братом, сестрой и матерью – не только в буквальном смысле, но и в высшем, евангельском. Место отца осталось *незанятым*. Сюжетно на этом месте были два героя – Версильов и Макар Долгорукий, образы которых, на наш взгляд, являются воплощением поругания Божественного идеала семьи и абсолютного личностного его выражения соответственно. И это метафорическое воплощение существующей на земле семьи, где равно возможны два варианта: тот, что ведет семью к разрушению, и тот, что освящает ее высшим смыслом бытия. Только от каждого из нас зависит, какой вариант семьи мы построим.

²¹Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 13. С. 336.

²²Там же. С. 413.

Список литературы

1. Степанян К.А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М.: Раритет, 2005.
2. Гаричева Е.А. Голоса героев в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2002. Сб. 4. С. 364–382.
3. Седов К.Ф. Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: опыт целостного анализа художественного текста // Художественный текст: онтология и интерпретация. Саратов: Саратов. пед. ин-т им. К.А. Федина, 1992. С. 108–116.
4. Авдевина О.Ю. «Будущность» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»: семантика, грамматика, идеи и идеалы // Рус. яз. в шк. 2011. № 1. С. 51–54.
5. Thompson D.O. Problems of the Biblical Word in Dostoevsky's Poetics // Dostoevsky and the Christian Tradition / ed. by G. Pattison, D.O. Thompson. N. Y.: Cambridge University Press, 2001. P. 69–99.
6. Pyman A. Dostoevsky in the Prism of the Orthodox Semiosphere // Dostoevsky and the Christian Tradition / ed. by G. Pattison, D.O. Thompson. N. Y.: Cambridge University Press, 2001. P. 103–115.
7. Невшупа И.П. Общечеловеческое в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Национальное и общечеловеческое в русской художественной и философской мысли в условиях глобализации. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. С. 94–99.
8. Vladiv-Glover S. The Accidental Family in *The Adolescent* and Wittgenstein's 'Family Relations': The Novel as Model of Meaning // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов. СПб.: Дм. Буланин, 2011. С. 67–87.
9. Башкиров Д.Л. «Что такое человек, как подумаешь о нем?» (Главная тема русской литературы и роман Ф.М. Достоевского «Подросток») // Достоевский и современность. Старая Русса: Новгор. гос. объедин. музей-заповед. «Дом-музей Ф.М. Достоевского», 1998. С. 3–12.
10. Бертнес Ю. «Христос-отец»: к проблеме противопоставления отца кровного и отца законного в «Подростке» Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 409–415.
11. Кладова Н.А. Ф.М. Достоевский и Н.А. Некрасов: творческий диалог: моногр. М.: Спутник+, 2009. 81 с.

Reference

1. Stepanyan K.A. "Soznat' i skazat'": "Realizm v vysshem smysle" kak tvorcheskii metod F.M. Dostoevskogo ["To Understand and to Say": "Realism in the Higher Meaning" as a Creative Method of Fyodor Dostoevsky]. Moscow, 2005.
2. Garicheva E.A. Golosa geroev v romane F.M. Dostoevskogo "Podrostok" [The Characters' Voices in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Adolescent*]. *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, 2002. Coll. 4, pp. 364–382.
3. Sedov K.F. Roman F.M. Dostoevskogo "Podrostok": opyt tselostnogo analiza khudozhestvennogo teksta [Fyodor Dostoevsky's Novel *The Adolescent*: The Experience of a Holistic Analysis of an Artistic Text]. *Khudozhestvennyy tekst: ontologiya i interpretatsiya* [The Artistic Text: Ontology and Interpretation]. Saratov, 1992, pp. 108–116.
4. Avdevnina O.Yu. "Budushchnost'" v romane F.M. Dostoevskogo "Podrostok": semantika, grammatika, idei i idealy [The Future in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Adolescent*: Semantics, Grammar, Ideas and Ideals]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2011, no. 1, pp. 51–54.
5. Thompson D.O. Problems of the Biblical Word in Dostoevsky's Poetics. Pattison G., Thompson D. (eds.). *Dostoevsky and the Christian Tradition*. New York, 2001, pp. 69–99.
6. Pyman A. Dostoevsky in the Prism of the Orthodox Semiosphere. Pattison G., Thompson D.O. (eds.). *Dostoevsky and the Christian Tradition*. New York, 2001, pp. 103–115.
7. Nevshupa I.P. Obshchechelovecheskoe v romane F.M. Dostoevskogo "Podrostok" [The Universal in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Adolescent*]. *Natsional'noe i obshchechelovecheskoe v russkoy khudozhestvennoy i filosofskoy mysli v usloviyakh globalizatsii* [The National and the Universal in Russian Artistic and Philosophical Thought Under Globalization]. Krasnodar, 2005, pp. 94–99.
8. Vladiv-Glover S. The Accidental Family in *The Adolescent* and Wittgenstein's 'Family Relations': The Novel as Model of Meaning. *Aspects of Dostoevsky's Poetics in the Context of Literary-Cultural Dialogues*. St. Petersburg, 2011, pp. 67–87.

9. Bashkirov D.L. “Chto takoe chelovek, kak podumaesh’ o nem?” (Glavnaya tema russkoy literatury i roman F.M. Dostoevskogo “Podrostok”) [“What Is Man, That Thou Art Mindful of Him?” (The Key Theme of Russian Literature and Fyodor Dostoevsky’s Novel *The Adolescent*)]. *Dostoevskiy i sovremennost’* [Dostoevsky and the Present]. Staraya Russa, 1998, pp. 3–12.

10. Bertnes Yu. “Khristos-otets”: k probleme protivopostavleniya ottsa krovnogo i ottsa zakonnogo v “Podrostke” Dostoevskogo [“Father Christ”: On Opposing Natural Father and Legal Father in Fyodor Dostoevsky’s Novel *The Adolescent*]. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov* [The Gospel Text in 18th – 20th-Century Russian Literature]. Petrozavodsk, 1998, Iss. 2, pp. 409–415.

11. Kladova N.A. *F.M. Dostoevskiy i N.A. Nekrasov: tvorcheskij dialog* [Fyodor Dostoevsky and Nikolay Nekrasov: An Artistic Dialogue]. Moscow, 2009. 81 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.54

Natal’ya A. Kladova

Forward-School Educational Centre;
ul. Krasnaya Presnya 9, Moscow, 123242, Russian Federation;
e-mail: natakkladova@rambler.ru

THE ADOLESCENT BY FYODOR DOSTOEVSKY: THE IDEA OF THE PLOT

This article analyses the idea of Fyodor Dostoevsky’s novel *The Adolescent* and its implementation. The main idea is contained in the novel’s plot structure: the logic of events reflects the logic of the protagonist’s development and self-determination. The analysis of the plot allowed the author of this paper to reveal the deep symbolic subtext of *The Adolescent*, to discover something new in Dostoevsky’s idea and to understand how the composition of the novel is built up. The article aims to demonstrate the importance of the characters’ kinship and reveal the meaning of the subtext antithesis: all of them are related to each other genetically but are alien spiritually. This image system, within which all the characters are either closely or distantly related to each other, stands in stark contrast to the essence of their personal relationships with one another. In this regard, the idea of true and false fatherhood, deeply rooted in the Orthodox worldview, is of interest. This idea forms a certain hierarchy of values and gives a philosophical depth to the artistic world, thus reflecting, from Dostoevsky’s point of view, the norm of human relations. Having analysed the imagery and the correlation between the episodes of the plot, the author of this article concludes that the family in the novel is morally flawed and the relationships between its members are distorted in their essence. The constructive energy of Sofia and Makar Dolgoruky, capable of being family members, was not enough to restore the broken ties; however, they fostered Arkady’s belief that a new family could be created. The author of this article believes that in *The Adolescent* Dostoevsky attempted to show the long and difficult, but real (and the only possible) way a person can become aware of him/herself as a member of a family, in the evangelical sense of this word.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *The Adolescent*, symbolic subtext, idea of kinship, idea of fatherhood.

Поступила: 11.02.2017

Принята: 29.05.2018

Received: 11 February 2017

Accepted: 29 May 2018

For citation: Kladova N.A. *The Adolescent* by Fyodor Dostoevsky: The Idea of the Plot. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2018, no. 5, pp. 54–62. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.54